Изольда

Елизавете Изольде фон Элизиум было суждено стать императрицей еще до своего рождения.

"Будущая императрица".

прошептал герцог Элизиумский в крошечное красное ушко своей новорожденной дочери.

Ее имя было взято в честь кронпринца.

"Тристан и Изольда, какая идеальная пара".

"Это просто сказочное имя. Тебе не нужно много думать об этом".

"Но каждый, кто увидит имя нашего ребенка в учебниках истории, будет впечатлен. Рожденные императрицей, вместе с императором, они даже имеют пару в своих именах!"

"... Ну, это семейная честь". Герцог Элизиум кашлянул и погладил свою бороду.

Герцогиня осторожно взяла из рук няни свою глубоко спящую дочь и поцеловала ребенка в щеку.

"Моя дорогая дочь, моя драгоценная девочка. Ты проживешь жизнь, изобилующую любовью".

Герцог, наблюдавший за этой сценой со стороны, быстро исправил свое выражение лица, когда понял, что бессознательно улыбается. Вспомнив о рождении наследника императорской семьи, он насильно отделил ребенка от матери. Обратившись к растерянной герцогине, герцог передал ребенка няне и холодным, трезвым голосом произнес.

"Вы не будете сами кормить ее грудью. Этот ребенок родился в герцогском доме, но она уже член императорской семьи. С этого момента она должна привыкнуть к этому".

"Но дорогая... ."

"Ты сейчас протестуешь против моих слов?"

"Это не так... !"

Герцогиня смотрела на свою плачущую дочь на руках у няни с несколько возмущенным выражением лица.

"Все для Изольды. Так что не нужно делать такое лицо".

Герцог похлопал жену по спине, чтобы успокоить ее. На это герцогиня кивнула головой. Он никогда не ошибался с тех пор, как она вышла замуж в герцогство. Значит, и в этот раз он будет прав.

"... Моя дочь собирается выйти замуж в императорскую семью. Поэтому она должна вырасти достойной леди".

"Я предоставлю это тебе, моя жена. Если ей что-то понадобится, что бы это ни было, все будет предоставлено".

Жестокое обращение под видом воспитания герцогини началось с того момента, когда Елизавета сделала свои первые шаги и была способна произносить только простые слова.

Герцог не обращал на это внимания.

Как ее отец, он считал, что достаточно просто обеспечить дочери материально обеспеченную жизнь без каких-либо недостатков.

Слугам не разрешалось видеть, слышать или говорить об этом. Всех, кого выгнали из резиденции герцога за сплетни, убили.

И вот так прошло восемь лет.

***

Я рада, что я их единственная дочь.

Так думала Элизабет в тот день, когда впервые надела туфли на высоком каблуке.

Служанки сплетничали, что женщина сделала слишком много для ребенка, который едва ходит, но весь шум сразу утих под взглядом герцогини.

"Мама... У меня болят ноги".

"Ты должна произносить это правильно".

"Ноги... болят... болят... так больно".

"Опять!"

hic.

Элизабет плакала, глядя на длинную деревянную палку в руке матери. Оглядевшись вокруг, она поняла, что помочь ей некому. Служанки смотрели в пол, склонив головы с застывшим выражением лица.

"Протяни ладонь".

"Э... Матушка... !"

Самая мягкосердечная служанка в конце концов отвернулась в сторону, не в силах смотреть на травмирующую сцену.

То, что делала герцогиня, явно было жестоким обращением с детьми, а не воспитанием. Но никто в особняке не был достаточно смел, чтобы указать на это. Это было потому, что кто-то уже превратился в труп, прежде чем его выгнали из особняка за такой поступок.

Вместе с хлестким звуком раздался слабый голос, его обладательница, казалось, заставляла себя терпеть боль.

'Какого черта госпожа хочет от ребенка, который едва может говорить и только начал ходить и бегать?' Кто-то из служанок прошептал тоненьким голосом.

"Расскажи мне еще раз".

"Ноги... Они так болят... ."

"И что?"

По всей ладони маленькой девочки были прочерчены длинные красные линии, из-за которых даже самое простое движение пальцами было очень болезненным.

Но она должна была вести себя как леди.

"... Мне жаль... ."

Это было одно из немногих предложений, которые Элизабет могла произносить наиболее часто и наиболее четко с тех пор, как впервые заговорила.

"У вас болят ладони?"

"Да... ."

"Леди не подвешивает руки в воздухе, потому что ее ладони горячие или болят. Нет, это то, что вам вообще нельзя делать правильно".

Элизабет без слов уставилась на белый ковер на полу. Ее мать была права. С запозданием она аккуратно собрала руки и положила их перед пупком, и, когда она мельком взглянула на выражение лица матери, на ее холодно-жестоком лице нарисовалась довольная улыбка.

Увидев эту улыбку, Элизабет почувствовала облегчение. Она боялась, что ее снова будут ругать за опоздание. Ее сердце, которое бешено билось, немного успокоилось.

"Попробуй пройтись еще раз".

Но уже в следующее мгновение на маленьком, осунувшемся лице Элизабет появилось разочарование. Ей было так трудно идти в туфлях, да еще с двумя книгами на голове, что она могла только стоять.

Я рада, что я единственная дочь. Я рада, что моей сестре или брату не пришлось пройти через это".

Элизабет закусила губу и начала делать шаг за шагом.

Одна из горничных снова тихо пожаловалась: "Я не понимаю, какого черта все это происходит, когда она должна ходить по мягким коврам босиком". Прошло восемь лет, но она все еще не привыкла к этому.

Герцогиня бросила на нее взгляд, давая понять, что если она еще раз будет действовать ей на нервы, то сделает ее похожей на тех, кто покинул особняк несколько дней назад".

Помимо туфель на высоких каблуках, одной из вещей, которая беспокоила Элизабет больше всего, был корсет. Ее мать сказала, что она должна сделать свою талию тонкой, пока ее кости еще не полностью выросли, поэтому герцогиня специально заказала корсет из стали и китового сухожилия, который даже взрослые не захотят носить.

'Нехорошо носить корсет в таком юном возрасте. Даже если она будет носить его после того, как вырастет до определенной степени, она сможет приспособиться к нему, но это потому, что она еще молода, и ее кости хрупки, они будут деформироваться".

В тот день, когда эта женщина заказала корсет, в ее ушах отчетливо прозвучал обеспокоенный

тон корсетного мастера, полный растерянности.

http://tl.rulate.ru/book/61436/2032562